СУББОТА. **НИЖЕГОРОДСКІЯ** 17 МАЯ.

ГУБЕРНСКІЯ ВѢДОМОСТИ.

ЧАСТЬ НЕОФФИЦІАЛЬНАЯ.

1847 № 31.

МѢСТНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Убыло воды въ рѣкахъ Окѣ и Волгѣ: 10-го числа 6½ верш., 11 ч. 11 верш., 12 ч. 5½ верш., 13 6 верш. 14-го 5½ верш. 15-го 5½ вершковъ, 16— 4 вершка. Всего воды убыло 6 арш. и 14 верш.

О пріѣхавшихъ и выѣхавшихъ особахъ первыхъ четырехъ классовъ: 12-го числа пріѣхалъ изъ Симбирска проѣздомъ въ Спбургъ лейбъ-гвардіи ген. майоръ *Философовъ*, 14-го изъ Саратова проѣздомъ въ разныя губерніи управляющій Саратовскою Провіантскою Коммиссіею дѣйств. статскій совѣтникъ *Сергѣевъ* 9-го мая выѣхалъ въ Арзамасъ директоръ Медицинскаго Департамента М. В. Д. гражданскій генералъ штабъ докторъ, дѣйст. стат. сов. *Рихтеръ*.

БИБЛІОГРАФІЯ.

ВЫБРАННЫЯ МѢСТА ИЗЪ ПЕРЕПИСКИ СЪ ДРУЗЬЯМИ Н. ГОГОЛЯ. С. П. Б. 1847.

(Окончаніе)

Грустенъ взглядъ Гоголя на современное общество. Онъ упрекаетъ его въ нравственномъ разслабленіи: «въ литературѣ, какъ и въ обществѣ какъ очаровываться, такъ и разочаровываться устали и перестали» или въ другомъ мѣстѣ: «сталъ дрянь и тряпка всякъ человѣкъ» и въ томъ упрекаетъ его, что оно забыло много младенчески—прекраснаго. Но что всего болѣе вооружаетъ поэта противъ современнаго человѣка, это въ Европѣ его страшная духовная гордость, вполнѣ преданный которой, онъ почитаетъ себя выше чище духовнѣе всѣхъ; а у насъ, въ Россіи, то, что не познали мы сокровища отъ вѣка хранящагося промежду насъ—св. православной церкви.

Все это вызвало у поэта отъ души идущее и душу въ самомъ тайникѣ ея возмущающее воззваніе: «Боже! пусто и страшно становится въ Твоемъ мірѣ.»

Во многихъ пьэсахъ выражается воззрѣніе это, но нигдѣ эти идеи не развиты такъ сильно и полно, какъ въ пьэсѣ: *Свѣтлое Воскресеніе.* Здѣсь авторъ, показавши, что долженъ быть этотъ праздникъ изъ праздниковъ и торжество изъ торжествъ, какъ воспѣваетъ св. церковь, показавши высокое и истинно христіанское значеніе братскаго лобзанія, который долженъ сливать во едино все разъединенное жизнію и страстями, переходитъ къ тому, какъ празднуется у насъ св. пасха. И какая грустная картина отчужденія человѣка отъ человѣка и духовной гордости предстаетъ передъ поэтомъ. Пьэса заключается отрадной надеждой, что обратится когда нибудь человѣкъ къ высокой идеи братства всѣхъ безъ различія сословій, богатства и ума. Отрадно и легко становится на душѣ, когда прочтешь заключительную фразу этой статьи: «У насъ прежде, нежели во всякой

другой землѣ возпразднуется свѣтлое воскресеніе Христово.»

Не безъ намѣренія остановились мы такъ долго на этой пьесѣ, въ ней выражается характеръ всей книги. Грустно, не выразимо грустно становится отъ картинъ, изображающихъ современное общество. Но вотъ поэтъ перевертываетъ медаль, онъ указываетъ на благородную дѣятельность нашихъ литераторовъ, на мудрыя и просвѣщенныя дѣйствія Правительства, на кротость и смиреніе многихъ достойныхъ пастырей церкви. И мало по малу сердце ваше успокоивается. Право ли это воззрѣніе на общество? Подобный вопросъ нельзя оставить безъ отвѣта. Остановимся на немъ. Главное обвиненіе, взводимое авторомъ на общество—недостатокъ привязанности къ религіи отцовъ, замѣчаемый во многихъ членахъ его. Изъ этого недостатка происходятъ уже всѣ остальные. Конечно, не человѣку судить объ этомъ; сердце открыто только передъ Богомъ. Когда пророкъ, молясь Іеговѣ говорилъ: «Господи, я одинъ твой пророкъ во Израилѣ!», Господь указалъ ему на 7000 другихъ вѣрующихъ. Истинные сыны церкви не выставляютъ себя на показъ, они дѣлаютъ въ тайнѣ дѣла правды. Одинъ только пустой колосъ подымаетъ свою голову, а обремененный зернами поникаетъ долу, выражаясь сравненіемъ одного почтеннаго служителя православной церкви. Тѣмъ не менѣе видимость, къ несчатію, говоритъ въ пользу гоголева упрека. Недавно случился фактъ, подтвердившій эту горькую вѣроятность, фактъ, подавшій одному изъ проповѣдниковъ православныхъ поводъ произнести слово, достойное лучшихъ временъ духовнаго краснорѣчія Византіи, временъ Василіевъ и Златоустовъ (*); мы говоримъ..... да читатели сами догадались о чемъ мы говоримъ. Холодность, разочарованіе, смутность идей—недостатки, въ которыхъ упрекаетъ Гоголь современную литературу—факты не подверженные сомнѣнію. Духовная гордость современнаго человѣка тоже дѣйствительна. Не отъ нея ли происходитъ упорство партій литтературныхъ, философскихъ и пр. не отъ нея происходитъ то суровое отчужденіе человѣка отъ своего ближняго, тотъ строгій судъ, которымъ мы встрѣчаемъ всѣ проступки другихъ? Полные увѣренности въ своей чистотѣ, мы спѣшимъ осуждать пороки братьевъ нашихъ, забывъ великое слово Спасителя: «Не судите да несудими будете.»

(*) Москвитянинъ 1846 г. № 9 и 10. Слово Преосвященнаго *Инокентія*, Архіепископа Харьковскаго въ день Св. Троицы.

Но поэтъ не останавливается на изображеніи недостатковъ общества, онъ показываетъ и тѣ средства, которыя, по его мнѣнію, могутъ служить къ исправленію ихъ и къ приближенію человѣка къ источнику всего прекраснаго и долговѣчнаго-къ церкви православной. Всѣхъ призываетъ онъ къ великому подвигу: помѣщику онъ показываетъ средства для улучшенія быта крестьянъ; женщину, театръ, литературу призываетъ онъ быть главными двигателями въ дѣлѣ нравственнаго пересозданія общества. Но выше всѣхъ этихъ дѣятелей ставитъ онъ наставниковъ, данныхъ обществу отъ Бога т. е. духовенство православное.

Не будемъ останавливатся на совѣтахъ, которые даетъ авторъ помѣщику. Пьесы *Русскій Помѣщикъ*, и *Сельскій Судъ и Расправа* принадлежатъ къ менѣе развитымъ пьесамъ собранія. Критики довольно говорили объ нихъ.

Свои мысли о назначеніи женщины въ обществѣ Гоголь выразилъ въ статьяхъ: *Женщина въ свѣтѣ* и *Что можетъ быть жена для мужа въ простомъ семейномъ быту*. Женщина можетъ имѣть огромное вліяніе на общество, если только она владѣетъ красотою. Одного слова, одного взгляда ея достаточно, чтобы цѣлыя толпы поклонниковъ исполнили ея малѣйшій капризъ, но что же будетъ, если женщина эта, соединяя красоту тѣлесную, давшую ей такую огромную власть надъ людьми, съ красотой душевной, вздумаетъ направить силы ей подвластныя на служеніе истинѣ и добру? Подобный вопросъ задалъ себѣ Гоголь, и отвѣтомъ на него была первая изъ вышеназванныхъ пьесъ. Она принадлежитъ къ удачнѣйшимъ статьямъ собранія.— Оригинальность мысли, смѣлость взгляда и тотъ гармоническій языкъ, къ которому пріучилъ насъ гоголевскія статьи—вотъ отличительныя черты пьесы. Онъ учитъ женщину, къ которой пишетъ, привлекать къ себѣ людей не пустой свѣтской болтовней, а тѣми простодушными, задушевными разсказами, которые составляютъ прелесть всякой искренней и задушевной бесѣды. Разсказы эти своей безыскуственной прелестью понравятся людямъ, если только женщина, принявшая на себя трудъ передавать обществу простыя думы души, еще незагрязненной свѣтскими дрязгами, обладаетъ глубокимъ чувствомъ и умѣньемъ живо, легко и умно передавать свои впечатлѣнія. Эта статья показываетъ, что авторъ не согласенъ съ аскетическими мыслителями, которые думаютъ ограничить сферу женщинъ тѣснымъ кругомъ семейнымъ, хотя другая изъ выше названныхъ

статей и показываетъ, что онъ признаетъ все великое значеніе этого быта. Основная идея пьесы — экономія и разумное распредѣленіе денегъ очень справедлива. Но авторъ, развивая ее, впадъ въ нѣкоторой педантизмъ: онъ требуетъ излишней точности.

Придавая литературѣ высокую роль быть однимъ изъ главныхъ дѣятелей въ созданіи будущаго, Гоголь требуетъ, чтобы она не была пустой забавой, чтобы въ пламенномъ диѳирамбѣ изобразила она высшія стороны русской природы, чтобы грозной сатирой поразила она пороки современнаго общества. Изъ такого понятія о литературѣ происходитъ то высокое уваженіе къ вѣчно юной пѣсни старца Гомера, которое отзывается въ письмѣ о переводѣ Одиссеи. Гоголь видитъ въ этой поэмѣ высокую драму жизни, всю проникнутую идеею высшей нравственности. Онъ ждетъ отъ перевода Одиссеи великой пользы для всего общества, вліянія на всѣ классы. Въ этомъ отношеніи мы не совсѣмъ согласны съ великимъ поэтомъ, намъ кажется, что переводъ Одиссеи въ обществѣ будетъ имѣть вліяніе только на ограниченный кругъ знатоковъ и любителей. Что же касается до литературы, на нее переводъ Одиссеи долженъ будетъ имѣть огромное вліяніе. Задача современной литературы состоитъ въ примиреніи элементовъ классическаго и романтическаго. Потому то изученіе поэтовъ древности для писателя дѣло первой важности, отсюда слѣдуетъ и необходимость художественнаго перевода поэтическихъ созданій Эллады.

Обращаясь къ прошедшему русской литературы, Гоголь находитъ, что восторгъ при воспоминаніи обо всемъ, что относится къ св. вѣрѣ, царю и отечеству составляютъ одно изъ главнѣйшихъ ея основаній. Мысль эта окажется совершенно справедливою, если мы станемъ внимательно вглядываться въ корифеевъ нашей литературы. Не восторгъ ли звучалъ въ одахъ Ломоносова, не восторгомъ ли проникнуты были пламенные и вдохновенные диѳирамбы Державина, не восторгомъ ли отзываются тѣ изъ произведеній Пушкина, въ которыхъ онъ касается предметовъ священныхъ для сердца русскаго, да и лирическія мѣста въ Мертвыхъ Душахъ созданы подъ вліяніемъ того же восторга.

Статья Гоголя о русскихъ поэтахъ есть замѣчательнѣйшій критическій обзоръ русской литературы. Изъ прочихъ статей этого рода довольно близко подходятъ къ ней только статьи гг. Никитенки, Бѣлинскаго, Плетнева и кн. Вяземскаго. Прочтите эти немногія страницы и вы лучше поймете корифеевъ нашей поэзіи, нежели тогда, когда бы вы прочли цѣлые томы комментаріевъ. Какой мастерской кистью очеркнуты эти портреты! Какъ умно въ немногихъ чертахъ собрано все, что только можно сказать объ авторѣ! Такъ великій художникъ небрежно набросаетъ очеркъ лица и немного чертъ кажется, да и работы — то немного а попробуй кто другой въ рамѣ самой обширной собрать столько характеристическаго — и вовѣкъ неуспѣетъ. Для доказательства укажемъ на характеристику Пушкина. Какъ вѣрно уловлена здѣсь главная черта его поэзіи — на все откликаться. Но Лермонтовъ, кажется, понятъ не такъ хорошо. Объ немъ сказано мало, о школѣ его совсѣмъ ничего, тогда какъ и до сихъ поръ поэты наши варіируютъ лермонтовскіе мотивы. Впрочемъ, слово *безочарованіе* очень вѣрно характеризуетъ его поэзію, однако же, понявъ характеръ ея, Гоголь не понялъ ея значенія и потому представилъ безочарованіе явленіемъ случайнымъ (*). Очень жаль, что Гоголь пропустилъ Кольцова; эта мощная душа, это чувство глубокое и истинно русское, эта простая и вмѣстѣ съ тѣмъ въ высшей степени художественная форма его поэзіи стоили бы глубокаго изученія. Намекъ на три источника поэзіи въ будущемъ: пѣсни, пословицы и краснорѣчіе церковное — чрезвычайно замѣчателенъ.

Отъ театра Гоголь требуетъ, чтобы онъ былъ школою нравовъ и поставляетъ въ непремѣнное условіе строгой выборъ пьесъ. Мы совершенно согласны съ этимъ мнѣніемъ; при хорошей обстановкѣ, при ансамблѣ исполненія, репертуаръ составленный изъ пьесъ отборныхъ, никогда не надоѣстъ. Замѣчанія, которыя Гоголь дѣлаетъ актерамъ, показываютъ въ немъ человѣка хорошо знакомаго съ условіями сцены и потому они не должны остатся безъ пользы для актеровъ. При такомъ свѣтломъ взглядѣ на вещи, какой имѣетъ Гоголь, мы никакъ не могли понять, какимъ образомъ защищаетъ онъ въ одной своей пьесѣ парадоксъ, что будто театръ со временемъ можетъ быть замѣненъ публичными чтеніями. Конечно, лирическая пьеса, поэма, хорошо прочитанныя, будутъ имѣть успѣхъ, но для успѣха драмы для которой необходимѣе, чѣмъ для какого нибудь другаго рода поэзіи жизнь и дѣйствіе, нужна сце-

(*) Мы надѣемся поговорить поподробнѣе съ нашими читателями о поэзіи Лермонтова. Обѣщаютъ 5 часть его стихотвореній.

на, нуженъ ансамбль исполненія, нужна иллюзія, что не можетъ существовать при простомъ чтеніи.

Статьи о церкви и духовенствѣ показываютъ въ авторѣ истиннаго сына церкви. Взглядъ его на изолированное положеніе нашего духовенства въ обществѣ, на величавое спокойствіе нашей церкви, на что такъ нападаетъ Западъ, полонъ глубины. И если мы захотимъ попристальнѣе всмотрѣться въ предметъ спора, мы должны будемъ согласиться съ выводами автора и убѣдиться въ той великой будущности, которую принесетъ міру православная церковь, такъ долго готовившаяся къ св. дѣлу уединеніемъ и удаленіемъ въ самое себя. Но не въ журнальной статьѣ разсматривать предметъ этотъ во всей его полнотѣ.

Что же касается до статей, въ которыхъ выразилась личность автора, мы имѣли уже случай говорить объ нихъ въ началѣ нашей рецензіи, разбирая характеръ новаго направленія, принятаго Гоголемъ.

Заключимъ. Книга Гоголя принадлежитъ къ отраднѣйшимъ явленіямъ литературы нашей. До всѣхъ самыхъ живыхъ и современныхъ вопросовъ касалась она. И большая часть этихъ вопросовъ рѣшена полно, основательно и глубоко. Невольно пробуждается мысль при чтеніи статей этихъ, потому что изложенныя просто, безъ педантизма, онѣ становятся близки разумѣнію каждаго. Самыя даже пьесы, невполнѣ развитыя и неудавшіяся, замѣчательны по основной мысли и по изложенію, которое вездѣ энергично и прекрасно.

Слогъ разнообразенъ. Если предметъ высокъ, какъ напр. православная церковь и слогъ возвышается и облагороживается сообразно съ предметомъ. Если это сарказмъ на общество, то слогъ поражаетъ какъ молнія: всякое слово на мѣстѣ, всякое слово мѣтко. Однимъ словомъ, всѣ видоизмѣненія слога найдете въ этой книгѣ, начиная отъ живописной и поэтической прозы *Рима* и лирическихъ отступленій въ *Мертвыхъ Душахъ* до скульптурной и простой прозы Пушкина. Одинъ только неправильный языкъ героевъ *Ревизора* и *Мертвыхъ Душъ* не вошелъ сюда. И то только потому, что въ составъ этой книги вошло все высоко патетическое и высоко сатирическое, и ничего комическаго и грязнаго.

К. Б. Р.

ЧАСТНОЕ ИЗВѢСТІЕ.

ПРЕДОСТЕРЕГАТЕЛЬНОЕ ИЗВѢСТІЕ.

Объявляю всѣмъ и каждому, что долги дочери моей *Каролина Эберманъ* я на себя не принимаю.— Посему прошу ей въ долгъ ничего не вѣрить ни по какимъ документамъ, *хотя бы они были и за моею подписью*, но считая ихъ за фальшивые, представлять въ Княгининскій Земскій Судъ.—

Великобританскій подданный М. Э. Эберманъ.

ОТЪѢЗЖАЮЩІЕ ЗА ГРАНИЦУ.

Въ Германію, Англію и Италію Коллежскій Ассесоръ **БАРОНЪ** Карлъ Генрихъ **ЖОМИНИ** и жена его **БАРОНЕССА** Александра Николаевна **ЖОМИНИ**.—Нижегородской Губерніи Княгининскаго Уѣзда въ селѣ Базинѣ.—3.

О ПРІѢХАВШИХЪ И ВЫѢХАВШИХЪ

съ 10 по 17 мая 1847 года.

Пріѣхали въ Нижній—Новгородъ.

Изъ Москвы надв. сов. *Пахорскій*, изъ Арзамаса поруч. *Стобеусъ* ост. въ Кремлев. Части; изъ Србурга чинов. 10 класса *князь Любомірскій*, изъ Владиміра подпоруч. *Логиновъ* ост. въ Рожд. Части; изъ Арзамаса шт. кап. *Панютинъ*, изъ Костромы кол. регистр. *Вознесенскій* остан. въ Макарьевской Части.

Выѣхали изъ Нижняго—Новгорода.

Въ Василь шт. кап. *Каратаевъ*, въ Спбургъ шт. кап. *Лаппа*, въ Арзамасъ поручики *Поповъ* и *Стобеусъ*.

Редакторъ П. Мельниковъ.